

ГЛАВА 1, в которой я наряжаюсь невестой и странствую по карнизам

У-у, не могу больше! Лапы коченеют, нос ледышкой стал, ушей не чувю. Ветер сечет розгами, от шубы толку нет. Вот тебе и дар богини... Снежа, где ты? Мы же договорились! Неужели дашь мне сгинуть, не исполнив обета?..

В ночи выло и мело, мелькали белые тени, раздавались голоса. Но я старалась не видеть, не слушать. Думать о чем угодно, только не о том, что путь мой далек, а кругом ни жилья, ни дороги, одна снежная пустошь, и в этой пустоши глухой замерзает кошка...

Нельзя сдаваться. Боги помогают тем, кто не теряет веры. Если выживу, напишу роман о своих злоключениях. И начну, пожалуй, так...

Алое платье, фата, венчальные браслеты, лепестки роз на ступенях храма... Ненавижу!

Ненавижу свадьбы.

У нас в Свеянске они случаются каждый день. По улицам мчат счастливые кортежи, ликует толпа, звенят бокалы, летят в воздух букеты, невесты плачут от радости... И ни сбежать

от этого безобразия, ни спрятаться. Ведь моя мама — главная законодательница свадебных мод в нашем городке!

То есть как — законодательница? Фасоны она берет из столичных журналов. Но переиначивает на свой лад таким образом, что никто и толики сходства не заподозрит.

У нас полгорода на свадьбы работает. Повара жарят в меду молочных поросят, запекают гусей с яблоками и томят в горшках рыбное филе с молоком. Кондитеры возводят сладкие замки высотой в человеческий рост. Каретных дел мастера украшают экипажи так затейливо, что, кажется, по улицам плывут каравеллы на колесах и едут сказочные дворцы. У цветочников на прилавках круглый год красуются лилии и фиалки из магических теплиц. Музыканты день и ночь играют свадебные танцы, художники пишут портреты молодоженов, граверы множат копии на подарки родне и друзьям. Недавно из Альготы прикатили два искусника с новомодной диковиной — фотографическим аппаратом, который рисует светом на магически обработанной бумаге. Какая же у них с граверами война началась!..

А все потому, что в нашем городе случился второй по величине храм Свена и Свяны — божественной четы, ведающей делами любви и брака. Первый, само собой, в Альготе, но наш слывет древнейшим. Будто бы в незапамятные времена боги отметили Свеянск особой милостью — и теперь все комо не лень стремятся к этой милости припасть.

Едут даже из соседних стран: кто о сокровенном просить, кто свадьбу играть, а кто и посмеяться. В Вайноре за любовь отвечает богиня Мага, в Эйлане — бог Виш, и чужеземцам странно, что у нас, ригонцев, не нашлось божества, способного управиться с сердечными делами в одиночку. Как будто сами не знают, что для любви нужны двое!

Свен и Свяна велят, чтобы девушка шла к алтарю в красном, и чем богаче наряд, чем длиннее шлейф венчального платья, тем счастливее будет ее супружеская жизнь. Мы с Майрой, это моя сестра, помогаем маме радовать невест и вводить в расходы их родителей или женихов — смотря кто

платит. Майра сама мечтает однажды надеть алое. А я... Я все равно никогда замуж не выйду. «Почему?» — спросите вы. А потому что!

И невестам не завидую ни капельки, особенно богатым. Среди них, по-моему, несчастных больше всего. Бедные входят в храмовый Лабиринт по любви или ради лучшей жизни. У богатых жизнь без того хороша, но выбора им все равно не дают — иди, за кого велено, и не спорь!

Вот из-за такой несчастной невесты и начались все мои беды.

За окном стояла темень, мороз заплетал стекла белым кружевом, ветер гудел в дымоходе. Свет масляных ламп переливался на красных шелках. Магический лучезар у нас один, и в мастерскую мы его переносим только после закрытия. А пока стоит в приемном зале — вдруг кто заглянет на огонек?

Зима нынче выдалась на редкость студеная и вьюжная, будто за что-то прогневалась на людей. Санные пути и те заносит, по железной дороге полтора месяца движения нет. Оттого гостей в Свеянске поубавилось. Тем вечером к нам в ателье вовсе никто не заходил, и мы занялись заказом вдовы Кнот втроем.

Майра грохотала ножной машинкой братьев Меррит, подшивая шлейф — бесконечный, как зимние ночи. Мама возилась с фатой. Я прикрепляла к лифу розочки из шелка эксельсиора — в сердцевине каждой сшиты в пучок по пять крохотных золотых бусин.

Мне нравилось мастерить мелкие украшения. Но сейчас я на эти розочки смотреть не могла. Шутка ли — сто шестьдесят пять одинаковых цветков за три дня!

Госпожа Кнот, перенявшая у покойного мужа хлебную торговлю, и дело вела с размахом, и, выдавая замуж единственную дочь, скупиться не стала. На платье, заказанное нам, одного шелкового крепа пламенно-алого тона сорок

аршин пошло. Это не считая самого дорогого бархата, багряно-золотой камки, парчи, воздушной дымки-кристалла, четырех видов кружева, красного танталского жемчуга и ста аршин золотой нити.

— Еще пара таких заказов, — сказала мама, нашивая на кайму фаты одно жемчужное зернышко за другим, — глядишь, и убытки покроем.

— Да уж, зима в этом году! — Грохот стих. Майра убрала ногу с педали, радуясь возможности передохнуть. — Сплошное разорение, а не зима. И куда Белый Граф смотрит? Совсем разленился!

— Он один, страна большая, везде не поспеть, — мама не поднимала глаз от шитья.

— Раньше-то поспевал.

— Раньше и зимы мягче были. А с этой, видно, не совладать. — Жемчужины в маминых пальцах мерцали, как угольки, невесомая дымка струилась утренней зарей. — Стихия сильнее человека, что ни говори.

Они с Майрой похожи, как и подобает матери и дочери. Не то что я — будто кукушонок в чужом гнезде. Обе невысокие, белокожие, темноволосые, с глазами серыми, как море в шторм. Истинные ригонки. Но мама красивее, хотя ей пятьдесят, а Майре двадцать. Когда улыбается, и вовсе глаз не отведешь. Жаль, улыбается мама только заказчикам.

Но иногда ее можно рассмешить.

— Белый Граф, — сказала я, — королевской невесте пути расчищает. Не до прочего ему!

У Майры заблестели глаза:

— Вот бы она к нам завернула! А что? Будущая королева Ригонии обязана чтить наших богов. Свену и Свяне перед свадьбой поклониться — святое дело. Подумаешь, крик! Она же, небось, через Лейр поедет? Оттуда до Свеянска всего-то пятьдесят миль.

— Сущяя мелочь! — подхватила я. — А из храма — прямоком в ателье госпожи Эльс. Где еще королеве платье шить?

Мы дружно засмеялись.

≈ Кошка Белого Графа ≈

В этот момент в приемном залебрякнул колокольчик.

— Карин, — сказала мама.

Будто я не помню, что сегодня моя очередь встречать заказчиков!

Скинула рабочий халат и поспешила в зал, на ходу обирая с себя нитки. Если занимаешься шитьем, нитки будут повсюду и всегда — сколько ни осторожничай. Маме с Майрой проще, у них наготове длинные расшитые жилеты на удобной застежке. Если понадобится, вмиг набросят и выйдут. Моя же доля нынче иная.

В зале у нас все устроено, как в столичных салонах: манекены из воска в самых роскошных платьях, на полках лучшие ткани, под окном мягкие диваны. Не стыдно перед клиентами, даже самыми богатыми и требовательными.

А именно такие к нам и пожаловали.

Барышня, румяная с мороза, в белом горностае, господин — в соболях, шуба до пят крыта черным кастором, в меховых рукавицах трость, сам грузный, солидный, лицо тяжелое.

Она — сразу к платьям. Он смахнул с бородки иней, потопал сапогами, оббивая снег — для кого скребок у крыльца поставлен да веник положен? — и приготовился скучать. А тут я. Господин сейчас же ожил и прилип ко мне взглядом. В дежурные дни я тоже манекеном служу. Вернее, куклой.

В Альготе куклы в большой моде. Газеты пишут, у королевы-бабушки целая комната под коллекцию отдана.

Особо славятся куклы-невесты из мастерской госпожи Свон — Королевна, Купчиха и Крестьянка. Вот мама и придумала одеть меня в свадебный крестьянский наряд, чтобы стала точь-в-точь как та кукла: пшеничные локоны, синие глаза и стати здоровой сельской девки, подчеркнутые тугой шнуровкой и пышными юбками. Такой я, по воле богов и отцовской крови, уродилась на свет — хоть сейчас в витрину!

Заказчицы видят и ахают. Отцы и братья, увязавшиеся с ними, пускают слюни — и платят не скупясь.

Вот и нынешний господин смотрит, будто лис на цыпленка, только не облизывается.

На благородного не похож, скорее купец или мануфактурщик. Насчет барышни с лёту не поймешь. Наряжена, как принцесса, но при деньгах это не диво. В движениях изящна, спину держит прямо, ступает, будто плывет, а прехорошенькая — не помню, когда еще таких видела.

В ней чувствовалась ланнская кровь. И не капелька, как у иных, а полведра, не меньше. Кожа словно умыта солнцем, белки огромных бархатно-чайных глаз отливают синевой. Из-под шапочки выбился локон. Шоколадный, а не дегтярно-черный, как у чистокровных ланнов, но упругий, блестящий — и это в разгар зимы.

Повезло борову отхватить такую красавицу. И с какой нужды на меня заглядывается?

Делать нечего. Пожелала доброго вечера, улыбнулась, присела заученным движением.

— Почтенные господа желают наряд к свадьбе? У нас в ателье шьются лучшие туалеты для самых разборчивых невест!

— Для самых, говоришь? — ухмыльнулся жених, сдвигая на затылок высокую шапку. — А для самых-самых?

— Особенно для самых-самых, почтенный господин.

— Зови меня кавалером, милочка.

Все-таки дворянин!

— Какое необычное платье, — голосок у барышни оказался, как хрустальный звоночек. — Панбархат поверх атласа? А это ирлунское кружево?

Она неделикатно помяла в пальчиках отделку подола.

— Не просто ирлунское, благородная госпожа. Такое сложное и тонкое плетение умеют создавать только в двух деревнях у озера Кальгер. Но должна предупредить, кальгерское кружево заметно дороже простого ирлунского.

— И что с того? — барышня, надув губки, обернулась к своему спутнику. — Батюшка, вы же купите мне это кальгерское кружево?

≈ Кошка Белого Графа ≈

Вот те на. Обычно я отцов с женихами не путаю! Но — батюшка? Дворянки так не говорят. В крайнем случае — папенька, и то если барышня росла в глуши. В Альготе нынче церемонии не в ходу.

— Конечно, деточка. Купим все, что пожелаешь.

Господин улыбнулся, однако в его глазах, бледных, как зимнее небо, не было тепла.

Он швырнул на диван меховые рукавицы — на пальцах сверкнули перстни — и прошелся по залу, будто хозяин, оглядывая фикусы в ведрах, обернутых золотой тканью, и фигурки Свена и Свяны, развешанные в разных местах. Остановился перед грушевидной колбой лучезара на левом краю прилавка, заложил руки за спину. Колба из магически закаленного стекла сияла неярко, но в зале было светло как днем.

Барышня продолжала теревить и вертеть платье. Так и хотелось дать ей по рукам. Но я держала улыбку:

— Если вам нравится, благородная госпожа, мы можем сшить такое же по вашим меркам.

Платье и правда было из ряда вон. Пару идей мама подглядела у одной дамы из Эйлана — мода там более экстравагантная. Остальное додумала сама. Получился наряд, который привлекал внимание, демонстрируя фантазию модистки и мастерство швей.

Барышня задумчиво кивнула, разглядывая струящийся подол со сложными драпировками и разрезами, в которых виднелись слои других тканей.

Но господин хлопнул по ладони тростью:

— Платье для моей дочери должно быть единственным в своем роде!

С набалдашника трости скалилась звериная морда, не то волчья, не то собачья. Ей, видно, тоже платье по вкусу не пришлось.

И барышня сморщила носик:

— Вы правы, батюшка. Будет глупо, если у кого-то окажется такое же.

Я кожей ощутила, как она теряет интерес...

— Это новинка! Мы выставили его три дня назад. Если вы решите сделать заказ, сегодня же уберем. Заверяю, второго такого нет и не будет!

На самом деле платье стояло уже полгода. Все изумлялись, восхищались, но покупать не спешили. Слишком необычно, и фигура нужна идеальная, иначе будешь посмешищем.

Эта красавица не будет. Надо только ее удержать.

— Если заменить атлас на шармез, — я метнулась к прилавку, — получится еще лучше. Нам завезли изумительный шармез, позвольте, я покажу!

Только не умолкать. Говорить, говорить, что в голову взбредет...

Позади прилавка был стеллаж с тканями, на его боковой стенке — витой шнур, на шнуре — деревянная подвеска с фигурками Свена и Свяны.

Выручайте, родимые!..

Будто невзначай, я зацепила подвеску локтем — динь-динь, важные клиенты. Сдернула с полки штуку ткани и кинулась обратно к барышне.

Хвала Свяне, мама не стала медлить. И Майра вышла следом.

Не то чтобы я совсем не умела морочить головы заказчикам, но у сестры к этому талант. Она белому медведю зимой снег продаст.

— Благородную госпожу заинтересовало платье, которое мы закончили три дня назад, — отчиталась я.

Ни мама, ни Майра бровью не повели.

— Рада вас приветствовать, благородные господа, — пропела мама мелодичным грудным голосом. — Я хозяйка ателье, Гудрун Эльс.

— Кавалер Льет, — представился обладатель трости с собачьей головой. — Моей дочери Агде нужен первоклассный свадебный туалет. И чтоб ни у кого больше такого не водилось!

Его глаза с одобрением пробежались по маминой фигуре. Майру он едва удостоил взгляда. Как же — личико пресное, сама доска доской.

Но именно Майра решила дело. Как разлилась соловьем...

— Посмотрите, благородная госпожа, это редчайшая тибрийская парча, вдвое тоньше и легче обычной, но не менее прочная и прекрасная. Кроме нас, никто в Свеянске ее не закупает, даже госпожа Принн, а у нее лучшие ткани в городе! Из-за метелей доставка задержалась, наши клиентки еще не знают, что ее привезли. Завтра набегут и завалят нас заказами до самого лета. Вы же понимаете, просто так мы ткани не продаем, у нас ателье, а не лавка красных товаров.

Никогда не могла понять, как ей это удастся. Я чуточку приврала и уже чувствую себя мошенницей, а Майра сочиняет небылицы как дышит. И ей верят!

Барышня Агда Льет расстегнула шубку, не сводя с моей сестры горящих глаз.

— Вы уже видели наш новый шармез? Взгляните! — Майра встряхнула край винно-красного полотнища, которое я успела раскинуть на диване, и по гладкой поверхности прокатилась волна блеска. — Все наши ткани освещены в храме Свена и Свяны, как и нитки, которыми мы шьем. А все, чего касаются божественные супруги, приносит любовь и счастье!

Сестра определенно была в ударе. Ох, не слышат ее храмовые служители.

— Уверяю, вы станете самой прекрасной невестой, самой любимой и счастливой на свете женой!

При последних словах барышня Льет вдруг сникла, потупилась, и с ее губ сорвался тяжкий вздох.

Эгей, а свадьба-то похоже не по любви! Или жених — гулена, которого обручальный браслет не исправит?

Майра тотчас зашла с другой стороны:

— Это платье предвосхищает самые модные веяния будущего сезона. Скоро все в столице будут носить такое. А вы станете первой! В этом наряде вы затмите саму принцессу Вайнора.

Улыбка Агды, не успев расцвести, увяла вновь, уголки рта горестно опустились, пушистые ресницы задрожали.

Да что опять не так? Видно же, что барышня падка на лесть! Не по нраву, что ее, красавицу из красавиц, сравнили с другой, пусть эта другая — настоящая принцесса? Досадно, что сама родилась лишь дочерью простого кавалера?

Я бы растерялась, а Майра продолжала напирать:

— Северянкам алый не к лицу, они слишком блеклые. Надень на девушку из Вайнора такое платье, и все увидят платье, а не девушку. А у вас красота южная, огненная, ее свадебный наряд только подчеркнет. Это платье просто создано для вас!

Я тихо отошла в сторонку, чтобы своим видом не опровергать доводы Майры.

Барышня посмотрела на нее, на манекен в свадебном уборе и вздернула нос:

— Беру!

В такие моменты я думаю, что ателье должна наследовать Майра. Правда, шить она не любит. Но летом приедет мамин троюродная племянница из Дункаля — учиться у нас полезному ремеслу. Вдруг из нее толк выйдет?

Мама позвала барышню в заднюю комнату, чтобы снять мерки, я двинулась следом — помогать. А Майра собралась подать кавалеру чай и занимать его разговорами, пока мы не освободимся.

Так у нас было заведено.

Однако кавалер повелительно указал пальцем на меня:

— Пусть она подаст.

Что ж, кто платит, тот и чай заказывает.

Водовар в примерочной мы держали для клиентов, да и сами за работой любили угоститься чайком. Угли в жаровне были горячие, так что управилась я споро. Составила на поднос все, что полагается, не забыв колотый сахар, мед и пастилу, и вернулась в зал.

Кавалер Льет расселся на диване, положив рядом с собой шапку и расстегнув шубу. Под мехами он оказался совсем не толст, видимость полноты создавало обрюзгшее лицо, казавшееся еще шире из-за светлой вайнской бородки.

≈ Кошка Белого Графа ≈

Мед пах липой и летом, над чашкой вился парок. Я придвинула чайный столик к дивану и хотела отойти, но кавалер схватил меня за запястье:

— Сядь-ка, красавица.

— Что вы, нам не велено!

Пусть считает меня работницей, боящейся хозяйского гнева.

— Сядь, я сказал.

В тепле Льет успел вспотеть, его рука была горячей и влажной, но держала, будто тисками, так просто не вырвешься. А бить заказчика сахарницей по лбу — дело неблагое.

Он стянул с пальца перстень с кровавым камнем. Неужели рубин? Какой большой!

— Нравится? Подарю, если поедешь со мной в Альготу.

Кавалер попытался вложить перстень мне в руку. Я вырвалась и вскочила, но от крепкого, до боли, щипка увернуться не смогла.

— Ишь, коза! Грех такое богатство в глуши хоронить, — глаза Льета плотоядно блеснули. — Поехали. Настоящей дамой тебя сделаю. В шелках будешь ходить, во дворцах танцевать, прислугу гонять в хвост и в гриву. А?

— Что вы такое говорите, кавалер! — напоказ ужаснулась я. Руки чесались плеснуть кипятка в гнусную рожу. — Как можно!

— Брось ломаться.

Он привстал с места, и я попятилась.

— Не хочешь? Ладно, неволить не буду. Но подумай хорошенько. Мы в доме Снульва остановились, знаешь такой? Пробудем до послезавтра. Надумаешь, приходи.

Остаток вечера мы спешно кроили и сшивали муляж из дешевого муслина. Завтра на барышне все подгоним; если надо, подправим фасон. Получим задаток, и пусть катятся в свою Альготу — гладкой им дороги, попутного ветра. А мы по муляжу будем платье шить. Свадьба через месяц, успеем.